

ДЕТСКИЙ МИР И ВЗРОСЛЫЙ РИМ

Михаилу Казанскому — VIVAT!

Воспитание детей в древнем мире взрослых

Дети и взрослые: правила жизни и правила гигиены

Потустороннее детство: обряд и вещи

Одежда на вырост

Недетские деньги

Ответственный редактор — Анна В. Мастыкова

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Children's World and Adult Rome

VIVAT to Michel Kazanski!
Educating children in the ancient world of adults
Children and adults: rules of life and hygiene
Childhood afterworld: rite and goods
Clothes a size too big
Unchildlike money

Editor-in-Charge — Anna V. Mastykova

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2023

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Lumea copilăriei și Roma maturității

VIVAT! — pentru Michel Kazanski
Educația copiilor în lumea antică a maturilor
Copiii și maturii: regulile vieții și regulile igienei
Copilăria de dincolo: rit și obiecte
Haină în creștere
Bani deloc copilărești

Redactor responsabil — Anna V. Mastykova

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2023

70-летию
Михаила Михайловича Казанского
посвящается

This issue is dedicated to 70th anniversary of Michel M. Kazanski

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЯРУ — VIVAT!

А. В. Мاستыкова (Москва, Россия). О Михаиле Казанском и его семье	15
Список опубликованных научных трудов М. М. Казанского (сост. А. В. Мастыкова)	35
Фотоальбом	51
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Ленинградские исследователи раннеславянских древностей Днепровского лесостепного Левобережья	83

ДЕТИ В МИРЕ ВЗРОСЛЫХ

Т. С. Жумаганбетов (Актобе, Казахстан). Дети и детство у средневековых тюрок VI—VIII вв.	101
Г. В. Требелева (Москва, Россия), А. С. Кизилев (Сочи, Россия), В. С. Смирнов (Москва, Россия). Реконструкция мира детства в древностях Западной Колхиды: взгляд археолога и педагога на артефакты и этнографию	113

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРАВИЛА ГИГИЕНЫ

П. П. Гецко (Симферополь, Крым), Н. Г. Свиркина (Москва, Россия), М. О. Филимонова, С. М. Слепченко (Тюмень, Россия). Комплексное исследование индивидов из двух могил некрополя Кыз-Аул	127
М. В. Добровольская, Н. Г. Свиркина, С. В. Языков, А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1)	139

ДЕТИ ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Гендерные маркеры погребений римского времени из могильника Опушки	155
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (Краснодар, Россия). Детские погребения первых веков н. э. из могильника Старокорсунского городища №2	181
С. В. Ярцев, В. Г. Зубарев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков (Тула, Россия). Детские погребения городища «Белинское» и его некрополя	197
С. В. Васильев, Г. А. Белова, А. Б. Савинецкий, С. Б. Боруцкая, Н. В. Харламова (Москва, Россия). Захоронение римского времени в египетском Файюме подростка с собаками	211
А. Н. Свиридов (Москва, Россия). Подбойные детские погребения IV в. н. э. из могильника Фронтное 3	229
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения раннесредневекового некрополя Боспора	239

ВЕЩИ В ДЕТСКОМ ЗАГРОБНОМ МИРЕ

- О. С. Румянцева (Москва, Россия), Д. В. Бейлин (Симферополь, Крым),
И. В. Рукавишников (Москва, Россия). Стекланные сосуды из детских
погребений могильника «Александровские скалы 1» в Восточном Крыму . . . 261
- А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Антропоморфные подвески из детской
могилы некрополя римского времени Фронтное 3: случайность или
закономерность? . . . 277
- А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова (Москва, Россия). Воинские традиции
в детском костюме элиты позднеантичной Фанагории . . . 289
- Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Детские погребения с большой пряжкой
из Юго-Западного Крыма . . . 305

ОДЕЖДА НА ВЫРОСТ

- М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Уникальные
фибулы группы *Bügelknopffibeln* на могильнике позднеримского
времени Войтенки . . . 325
- В. Н. Зинько (Керчь, Крым). Фибулы из раскопок боспорского города Тиритака
(этнический маркер или ...?) . . . 349
- А. А. Кадиева, С. В. Демиденко (Москва, Россия). Новая находка провинциально-
римских шарнирных брошей с эмалью и мозаичным стеклом на Северном
Кавказе . . . 355
- М. М. Казанский (Париж, Франция), М. Е. Ткачук, Д. А. Топал (Кишинев, Молдова).
Княжеская фибула из села Рэзень . . . 365

НЕДЕТСКИЕ ДЕНЬГИ

- М. М. Чореф (Нижневартовск, Россия). Статеры Тейрана с обозначением даты
выпуска ГЭФ как источник исторической информации . . . 377
- А. М. Воронцов (Тула, Россия). Тульский феномен: новые находки позднеримских
бронзовых монет с правобережья верхней Оки . . . 387

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- А. М. Обломский (Москва, Россия). Раннеславянские памятники в среднем
течении р. Ворона . . . 409
- Список сокращений . . . 427
- Авторам *Stratum plus* . . . 429

C O N T E N T S

VIVAT TO MICHEL KAZANSKI!

A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). About Michel Kazanski and his Family . .	15
M. Kazanski's scientific bibliography (compiled by A.V. Mastykova)	35
Photo Album	51
V. V. Pryimak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Leningrad Researchers of Early Slavic Antiquities in the Dnieper Left Bank Forest-steppe	83

EDUCATING CHILDREN IN THE ANCIENT WORLD OF ADULTS

T. S. Zhumaganbetov (<i>Aktobe, Kazakhstan</i>). Children and Childhood among the Medieval Türks. 6th—8th Centuries	101
G. V. Trebeleva (<i>Moscow, Russian Federation</i>), A. S. Kizilov (<i>Sochi, Russian Federation</i>), V. S. Smirnov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reconstruction of Childhood in the Antiquities of Western Colchis: an Archaeologist's and Pedagogue's View of Artifacts and Ethnography	113

CHILDREN AND ADULTS: RULES OF LIFE AND HYGIENE

P. P. Getsko (<i>Simferopol, Crimea</i>), N. G. Svirkina (<i>Moscow, Russian Federation</i>), M. O. Filimonova , S. M. Slepchenko (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). A Comprehensive Study of Individuals from Two Graves of the Kyz-Aul Necropolis	127
M. V. Dobrovolskaya , N. G. Svirkina , S. V. Yazikov , A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). The Lifestyle of Children and Adults in the Barbarian Environ of Chersonesos (Based on Materials from Frontovoe 3 and Kil-Dere 1 Necropolises) . .	139

CHILDHOOD AFTERWORLD: RITE AND GOODS

I. N. Khrapunov , A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Gender Markers of the Roman-period Burials in the Cemetery of Opushki	155
N. Yu. Limberis , I. I. Marchenko (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>). Child's Burials of the First Centuries A.D. in the Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement No. 2 . .	181
S. V. Yartsev , V. G. Zubarev , E. V. Shushunova , A. A. Vnukov (<i>Tula, Russian Federation</i>). Children's Burials of the Ancient "Belinskoye" Settlement and its Necropolis . .	197
S. V. Vasilyev , G. A. Belova , A. B. Savinetskiy , S. B. Borutskaya , N. V. Kharlamova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). A Roman Time Burial of a Teenager with Dogs in Egyptian Fayum	211
A. N. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Children's Niche Graves of the 4th Century AD from Frontovoe 3 Cemetery	229
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Children's Burials from an Early Medieval Necropolis in the Bosphorus Lane	239

GOODS IN CHILDREN AFTERWORLD

- O. S. Rumyantseva** (*Moscow, Russian Federation*), **D. V. Beylin** (*Simferopol, Crimea*),
I. V. Rukavishnikova (*Moscow, Russian Federation*). **Glass Vessels from the Children's
 Burials of the Alexandrovskie Skaly 1 Necropolis in the Eastern Crimea** 261
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Anthropomorphic Pendants from a
 Children's Grave in a Roman Period Necropolis Frontovoe 3: Coincidence or
 Regularity?** 277
- A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova** (*Moscow, Russian Federation*). **Warrior Traditions
 in Elite Children Clothes from Late Antique Phanagoria** 289
- E. A. Khairedinova** (*Simferopol, Crimea*). **Children's Burials with a Great Buckle
 from the South-western Crimea** 305

CLOTHES A SIZE TOO BIG

- M. V. Lyubichev** (*Kharkiv, Ukraine*), **E. Schultze** (*Berlin, Germany*). **Unique Brooches
 of the *Bügelknopffibeln* Group at the Burial Ground of the Late Roman
 Period Voitenki** 325
- V. N. Zin'ko** (*Kerch, Crimea*). **Fibulae from the Excavations of the Bosporan City of
 Tyritake (either an Ethnic Marker or ...?)** 349
- A. A. Kadieva, S. V. Demidenko** (*Moscow, Russian Federation*). **A New Find of Provincial
 Roman Brooches with Enamel and Mosaic Glass in the Northern Caucasus . . .** 355
- M. M. Kazanski** (*Paris, France*), **M. E. Tkachuk, D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*).
Princely Fibula from the Răzeni Village 365

UNCHILDLIKE MONEY

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Teiranes's Staters with Issue Date
 Designation ΓΞΦ as Source of Historical Information** 377
- A. M. Vorontsov** (*Tula, Russian Federation*). **Tula Phenomenon: New Finds of the Late
 Roman Bronze Coins from the Right Bank of the Upper Oka** 387

NEW MATERIALS AND STUDIES

- A. M. Oblomskiy** (*Moscow, Russian Federation*). **Early Slavic Archaeological Sites
 in the Middle Reaches of the Vorona River** 409

Abbreviaations 427

Submissions 429

Т. С. Жумаганбетов

Дети и детство у средневековых тюрков. VI—VIII вв.

Keywords: birth, pastoral society, boy, girl, Kok Türks, Umai the Goddess, Tengri, eldes and yongers, patronymic relationship

Cuvinte cheie: naștere, societate de crescători de vite, băiat, fetiță, kok tiurci, zeița Umai, Tengri, mai în vârstă și mai mici, rudenie patronimică

Ключевые слова: рождение, общество скотоводов, мальчик, девочка, кок тюрки, богиня Умай, Тенгри, старшие и младшие, патронимическое родство

T. S. Zhumaganbetov

Children and Childhood among the Medieval Türks. 6th—8th Centuries

Social relations are among the most complex matters in history of the Inner and Western Asia. Archaeological and narrative sources do not offer us a complete picture of daily life and intra-family relations. Written accounts focused on the warriors, campaigns and deeds of the rulers. However, episodic information and ethnographic data allow us to look into the world of children and childhood. Among the medieval Kok Türks, the relations among children in the same family are a model in the construction of the state. As in any patriarchal family, the relationship was based on obeying to the elders, i.e. the father and elder brothers. The elders take care of the general well-being of the family, protect the younger ones, and in return, the younger brothers and sisters obey them and their requirements. Among the Kok Türks, the dynastic clan "Ashina and Ashide" were recognized as "elder brothers", while the people — "Budun" — became their "younger brother". All this, together with religious ideas, ensured the stability of the society during the 200 years of the existence of the Khaganate and in subsequent successor states of the Kok Türks.

T. S. Zhumaganbetov

Copiii și copilăria la turcii medievali. Sec. VI—VIII

Cele mai complicate în cunoașterea istoriei Asiei Interioare și a celei de Vest sunt problemele relațiilor sociale. Sursele arheologice și cele narative nu ne dau o reprezentare de valoare despre viața cotidiană și relațiile din interiorul familiilor. Monumentele scrise pun accent pe războaie, campanii și fapte ale cărmuitorilor. Cu toate acestea, informația episodică, datele etnografiei ne permit să aruncăm o privire în lumea copiilor și a copilăriei. La kok tiurcii medievali, anume relațiile între copiii dintr-o familie au devenit model în procesul de constituire a statalității. În orice familie patriarhală cei mai mari, cum ar fi tatăl sau fratele mai mare, domină în familie. Cei mai mari au grijă de bunăstarea generală a familiei, îi ocrotesc pe cei mai mici, fapt pentru care frații și surorile mai mici li se supun și execută cerințele lor. La kok tiurci, clanul dinastic „ashina și ashide” a fost recunoscut „fratele mai mare”, iar poporul — „budun” a devenit „fratele mai mic”. Toate acestea, împreună cu reprezentările religioase, au asigurat stabilitate societății timp de 200 de ani de existență a cahanatului și în ulterioarele state-urmașe ale kok tiurcilor.

Т. С. Жумаганбетов

Дети и детство у средневековых тюрков. VI—VIII вв.

Наиболее сложными для изучения истории Внутренней и Западной Азии являются вопросы социальных отношений. Археологические и нарративные источники не дают полноценного представления о повседневном быте и внутрисемейных отношениях. Письменные памятники акцентируют внимание на войнах, походах и деяниях правителей. Однако эпизодическая информация, данные этнографии позволяют заглянуть в мир детей и детства. У средневековых кок тюрков именно отношения среди детей в одной семье стали образцом при строительстве государства. В любой патриархальной семье старшие в виде отца или старшего брата доминируют в семье. Старшие заботятся об общем благополучии семьи, защищают младших, за это младшие братья и сестры подчиняются им и выполняют их требования. У кок тюрков династический клан «ашина и ашиде» были признаны «старшими братьями», а народ — «будун» по отношению к ним стал «младшим братом». Все это в совокупности с религиозными представлениями обеспечило стабильность обществу на протяжении 200 лет существования каганата и в последующих государствах-наследниках кок тюрков.

Наиболее изученными древними социумами в Западной Азии являются общество кок-тюрок, огузов, кумано-кыпчаков и улуса Джучи¹. Именно этот регион и эти пассионарные этносы, в силу политической и военной активности, всегда интересовали соседей: северо-китайские империи, государства Восточной и Центральной Европы, арабо-персидских географов и ученых-энциклопедистов, которые оставили нам письменные свидетельства. Однако они обращали внимание на дикий быт, а также на то, что составляет ценность для военной разведки: численность войск, местонахождение правителя, характер вооружения, подробности предпринятых походов и т.д. Социальные и бытовые зарисовки встречаются очень редко, и нужно искать «по крупицам» всё, что может иметь отношение к детям и детству того времени. Здесь особое внимание будет уделено тюркам начала средневековья (VI—VIII вв.).

Жизнь ребенка начинается с рождения и определяется обычаями и традициями общества, в котором он родился. Западная Азия представляет собой значительный фрагмент аридной зоны Евразии от гор Алтая и Тянь-Шаня до реки Волга (Итиль) и Каспийского моря. В этом регионе проживали народы, близкие по традициям, этносу и образу жизни. На жизнь этих обществ влияли периодические миграции тюркоязычных и монголоязычных этнических групп из соседних регионов Внутренней и Северной Азии, направленные в конечном счете на степи Восточной Европы и Анатолии.

Территория Западной Азии в период средневековья в хозяйственном плане была разделена на два сектора большой аграрной экономики: социумы, культивировавшие преимущественно различные типы животноводства, и социумы с преимущественно растениеводческим уклоном.

На данный момент делить их на стационарные и не стационарные социумы мы не будем, так как этнографы установили, что в обществах с преимущественным развитием пастбищного животноводства перемещаться на сезонные пастбища, отстоящие на значительные расстояния, имела возможность лишь богатая верхушка, которая составляла 1—3% всего общества. Она имела возможность вовлечь в сезонные перемещения только 15—20% на-

селения, т.е. бедных родственников в качестве обслуживающего персонала. Остальные жители аридных территорий занимались отгонным скотоводством (как и в эпоху палеометаллов), земледелием (высеивали просо, ячмень, пшеницу), различными видами ремесла и т.д. Таким образом, подавляющая часть социумов не имела возможности для сезонных перекочевок с целью использования вариативных различий ландшафтных зон и проживала в стационарных селениях (Масанов 1995: 108—110; Жумаганбетов 2015: 39—41).

Социумы с преимущественным растениеводческим сектором занимались т.н. «оазисным» земледелием, т.е. растениеводством на аллювиальных почвах вдоль рек и озер Западной Азии: Сырдарья, Амударья, Зеравшан, Тарим и т.д. В укладе этих обществ большое место, помимо растениеводства и отгонного скотоводства, занимали профессиональное ремесло и торговля.

Тесное соседство, сходство по отдельным параметрам в занятиях, военно-политическое доминирование степных этносов над оазисными не сделали эти общества похожими в социально-бытовой жизни. Главным различием было отношение общества к земле, как к средству производства, и этнический состав. В степной части в интересующее нас время проживали преимущественно тюркоязычные социумы (они стремились создать обширные империи), а оазисным земледелием занимались преимущественно ираноязычные общества, разделенные на княжества. Весь период средневековья происходил процесс тюркизации населения зоны контактов: Присырдарьинский регион, бассейн р. Тарим, Ферганская долина и т.д.

В историческом плане в раннем средневековье основные тенденции жизни обществ определяла империя кок-тюрок и их наследников. Кок-тюрки, охватывая новые территории, распространяли свои политические традиции, свою систему права — «торе» и социальные отношения, осуществляли культурное влияние. Осколки этой империи в виде государственных объединений бывших вассальных этносов предпочитали называть себя «тюрками» и перенимали их политические и иные традиции².

Все эти глобальные, региональные и локальные условия жизни местных социумов

¹ Вместо обширного и размытого понятия «Центральная Азия» здесь используется первоначальное понятие «Западная Азия», которая включает в себя два региона: «Восточный и Западный Туркестан».

² Как полагают некоторые исследователи, перенимание политических традиций докатилось до Русского каганата и до каганов древней Руси (Галкина 2002).

позволили нам представить следующую реконструкцию.

Рождение ребенка. Рождение ребенка у кок-тюрков — это проявление богини Умай. Ребенок принадлежит семье и роду отца. Браки экзогамные, поэтому мать из другого рода. Ребенок опирается на поддержку своего рода, но может при определенных обстоятельствах просить помощи от родственников матери. По доктрине государственной идеологии каганата кок-тюрков богиня Умай, супруга бога Тенгри, — покровительница беременных, молодых матерей и детей до инициации (Жумаганбетов 2006: 119—126). Послед со всеми предосторожностями закапывают там, где не найдут злые духи. Первую изношенную рубашку ребенка-младенца надевают на шею собаки, которая носит ее до той поры, пока та не превратится в мелкие клочки. Ребенка оберегают мать и все ближайшие родственники от злого глаза. Первые сорок дней жизни младенца могут видеть только самые близкие, которых нельзя заподозрить в тайном негативном отношении к ребенку.

Отрочество. У ранних тюрков в семье было много детей. Главными считались дети мужского пола, но и девочки имели свои права на место в обществе и на часть семейной собственности. В зависимости от возраста и очередности рождения права детей различались. Главными считаются самый старший и самый младший из сыновей. Трудились, то есть наводили порядок в доме, помогали родителям по хозяйству средние дети — и мальчики, и девочки. Труд имел гендерные различия. Подметали, мыли посуду, пряли, помогали матери шить или чинить одежду, конечно, девочки. Давали корм скоту, выгуливали на пастбище овец, чистили загоны, заготавливали сено, помогали отцам чинить охотничьи снасти — мальчики.

Младшего мальчика любили за то, что он маленький и за то, что впоследствии основное хозяйство родителей и забота об одряхлевших стариках и их похороны лягут на него. Старший сын распоряжался младшими детьми, посылал их на ту или иную работу. По сути, был заместителем отца, младшие ему беспрекословно подчинялись. В некоторых случаях старший брат мог физически наказать любого из них, при этом младшие дети понимали законность, правомочность этого наказания. Если возникали какие-либо конфликты, драки между детьми различных семей, старший брат обязательно защищал своих младших братьев и сестер вне зависимости от причин конфликта.

В случае ранней смерти отца старший сын во многом замещал его. Принимал гостей, как старший в доме, вел беседы с другими взрослыми людьми наравне с ними и т.д. Если на момент смерти отца старший сын был уже женат или собирался жениться, то процедура левирата не вступала в законную силу. Все функции отца переходили к старшему брату, который брал под покровительство свою мать, а младшие жены отца, если они были, становились его женами.

Однако, если старший сын был ещё маленьким, то по закону левирата мать детей становилась женой младшего брата отца. Хозяйство погибшего или умершего отца оставалось у вдовы и её детей, и при их жизни никто не имел прав отчуждать эту собственность, пока не приходило время брака и создания семьи детей. Собственность отца была священной и принадлежала вдове и детям. Все основные вещи, изготовленные покойным отцом, отправлялись с ним в могилу (нож, ремни, упряжь коня, седло и др.). Если семья была из знатного рода, а умерший слыл батыром, сопровождать хозяина отправляли убитого у могилы друга-коня (Атавина 1983: 134—143; Байпаков, Таймаганбетов, Жумаганбетов 2022: 217, 233, 237).

В жизни детей это принципиально ничего не меняло. У тюрков не было кузенно-кросскузенного родства. Тюркская патронимическая система родства предполагает, что все друг другу братья и сестры в большей или меньшей степени. При жизни отца младший брат отца был старшим братом для его старшего сына. Маленькие дети не ощущали сиротство или полусиротство в полной мере. В самой семье жизнь продолжалась в той же бытовой обстановке. Хозяйство группировалось вокруг жен и их детей. Отец семейства, если у него было несколько жен при жизни, ночевал у своих жен по очереди. Таким образом, внутри семьи погибшего или умершего отца его заменял старший сын, который брал на себя заботу о младших и заботу о хозяйстве. Старший и младший сын воспитывались как основные носители семейной ответственности. Именно они при разделе получали большую часть от семейного стада.

Дети росли в особой религиозной и мировоззренческой среде. Для их сознания были реальностью как деревянная сабля, которую ребенок держал в собственных руках, так и духи деревьев, гор, рек и, конечно, предков. Дети знали, что их умерший отец где-то рядом. В минуты опасности или отчаяния они обращались к духу умершего отца и другим духам-

аруахам рода. Они были уверены, что предки придут на помощь своим детям, отведут беду, спасут в битве, нужно только крикнуть их имя, громко позвать.

При принятии важных решений, когда требовался развернутый совет, эр-тюрк шёл к бахсы-медиуму, чтобы посоветоваться с умершим отцом и другими предками. И в зависимости от переданных слов принимал решение. Маленькие дети встречались с отцом во сне. Для тюрков средневековья пришедший во сне к детям отец, дед, бабушка (не обязательно умерший, он мог находиться в пути) приносил подсказку в какой-то жизненной ситуации, помогал принимать какие-то решения.

Как бы не была суровой их жизнь, строги отец и старший брат, дети всегда были окружены заботой матери, бабушки, многочисленных сестер матери. В ауле, в роде маленькие дети всегда были обласканы. Им в платочках с тоев (пиров) приносили вкусности, матери вышивали красивый и при этом защитный узор на их одеждах. Во времена голода и несчастий родители умирали первыми — потому что отдавали еду детям, и у них всегда была надежда, что их детей спасут, если не сородичи, то враги.

Совершеннолетие. При благоприятном стечении обстоятельств детство заканчивалось совершеннолетием, а совершеннолетие наступало с женитьбой мальчика или выходом замуж девочки. До рождения первенца молодые жили одним домом с родителями. В зимнем ауле (на «кыстау») в стационарном доме у них была отдельная комната. А если они были из богатой семьи, то в летний период молодожены перемещались вместе с семьей в войлочном доме. В юрте у молодых была огороженная тканью часть переносного дома. Рождение первого внука сопровождалось огромным пиром-тоем. Последующие внуки не получали такого почитания, как первый внук, по понятным теперь читателю причинам.

Патриархальное образование. Дети в обществе кок-тюрков, как и веками до этого, получали базовое образование для выживания, ведения хозяйства и защиты рода. Учителями были для мальчиков — дедушки, а для девочек — бабушки. Мальчиков в детстве с малых лет учили ориентироваться по звездам. Заблудиться вместе со скотом в степи и выйти к безводной пустыне означало угрозу голода для семьи и большую потерю для рода. Мальчик изучал тамги ближайших родов. Тамгами отмечали границы пастбищ рода (насыпные камни межи, отмет-

ки на валунах у рек и т.д.) и семейную ответственность. Они помогали понять, в какой части степи человек-эр находится, ведь там так мало природных ориентиров.

Мальчики учились ездить верхом с самых малых лет. Для них подбирали смиренных овец, на которых надевали специальные детские седла и уздечки. Конечно, такое могли позволить себе семьи зажиточных скотоводов. Такая овца становилась первым другом мальчика. Известен случай, когда при скоропостижной смерти мальчика его захоронили с овцой-другом. Подростки получали на воспитание жеребенка. На Алтае в 2021 г. было исследовано трогательное средневековое погребение мальчика с жеребенком (Шульга, Кубарев 2021: 747—753).

Мальчики обучались домашним ремеслам. Они сами могли изготовить древки стрел. Конечно, сами стрелы изготавливали аульные кузнецы, для которых это было почетным, уважаемым семейным делом. Мальчики могли сделать себе простые детские луки, с помощью которых они приносили первую добычу: зайцев, лис, маленьких косуль и др. Подростки учились делать себе седло.

Зажиточные «эры» — общинники могли позволить себе заказать богато украшенное и удобное седло, но все тюрки знали, как при необходимости сделать себе седло и веревочные стремяна, если надо оседлать и укротить лошадь, тем самым спасти себе жизнь и сохранить семейное стадо при экстренных обстоятельствах. Отметим, что в пастбищном животноводстве принято отличать коня от лошади. Конь имеет особую породу, питается овсом и ячменем, поддается дрессировке и является другом всадника-батыра. Лошадь может питаться травой, с трудом поддается дрессировке и используется (в отличие от коня) для питания, для пахоты, транспортировки груза, и только в редких случаях для верховой езды.

Мальчики и девочки с детства знали особенности каждого растения с точки зрения пищевой ценности как для человека, так и для скота. Девочки под руководством матери и бабушки с малых лет изготавливали для себя и других сестер приданое, убранство дома: войлок-кошма, «алаша» (ковёр из растительного волокна), одеяло и подушки для сна и для сидения в доме, и т.д. Все это можно условно назвать базовым патриархальным образованием.

«Классическое» образование. С V в. жизнь рода Ашина и всего десятичленного родоплеменного объединения, имену-

щего себя «Тюрк элем» или «Он ог будун», начинает сильно меняться. Формирование государственной организации у кок-тюрок было вызвано как внутренними, так и внешними причинами (см. Жумаганбетов 2003: 148—228).

Вхождение в государственную структуру жужаней (жужань), культурное взаимодействие с жителями согдийских алтайских колоний в Прииртышье, включение добычи железа и изготовления железных изделий в международную торговлю привели к некоторой деформации прежней патриархальной жизни древних тюркоязычных этносов Алтая, Саян, бассейна р. Орхон, и не только кок-тюрок, но и их соседей. Они познакомились с согдийским языком торговли и согдийской письменностью. Известный памятник «Бугутская надпись» свидетельствует, что кок-тюрки времен Первого каганата хорошо знали согдийский язык, разговаривали, писали и читали на этом языке (Кляшторный, Султанов 2004: 159—161). Дети согдийских купцов стали служащими — «битикчи» первых каганов. Знакомство с такими же, как они, подданными жужаней — средневековыми хакасами привело к возникновению и широкому распространению тюркского орхоно-енисейского письма.

Среди всех вариантов орхоно-енисейского письма и тюркского разговорного языка наибольшее распространение получает т. н. «хаканийский» (т. е. «каганский») диалект и тексты на этом диалекте, который Кашгари ещё в X в. продолжает называть «чистым» тюркским языком (Кашгари 1997; Жумаганбетов 2003а: 486—490). Свидетельство этого — «Нирвана сутра», специально переведенная наряду с другими буддийскими текстами на тюркский язык для кагана Таспара и его окружения, пожелавших принять буддизм (Кляшторный, Султанов 2004: 169), и другие письменные памятники.

Это означает, что в социуме кок-тюрок зарождается своего рода «классическое» образование, связанное с письменной грамотностью. Для всех детей знати (власть требует) и отчасти детей простолюдинов организуются государственные школы. Образованием детей, вероятно, занимались учителя-согдийцы и государственные жрецы — «бахсы». Для последних письменность и знания — это сакральная тайна богов. В жреческих школах они раньше учили только ими отобранных учеников для наследования должности бахсы. Только им раскрывали тайну богов. Сын богов Тенгри и Умай — кок-тюркский ка-

ган, вероятно, в лице Муганя (Мукана), повелел обладавшим знаниями делиться, и бахсы, учителя-согдийцы были вынуждены подчиниться.

Палочки с надписями из бассейна реки Талас (Кызласов 1960: 96—103), посуда с благопожелательными письменами на тюркском языке (Арсланова, Кляшторный 1973: 305—330), стелы-надписи, содержащие жизненные отчеты каганов (Радлов, Мелиоранский 1897: 15—45; Малов 1951; 1959), все чаще встречаются ко времени II Восточно-Тюркского каганата и продолжают в каганате уйгуров. Свидетельством обыденности школ, по крайней мере для детей знати, является старинная уйгурская легенда о Тире и Зоре. Из этой легенды можно почерпнуть много информации, в частности, о системе образования, например, о том, что школы были смешанными — в одном помещении для обучения находились мальчики и девочки (Uighur legend “Tira and Zora” 1946). То есть обучение в школе было если не массовым, то как минимум распространенным явлением.

Есть сведения о письменных ярлыках каганов, которые они выносили от имени богов Тенгри и Умай для всего народа — «будуна». Учитывая также имеющиеся памятники кок-тюркской орхоно-енисейской письменности, можно утверждать, что в этом обществе читать, писать и считать могли и простые эры, следовательно, существовало детское образование.

У простых животноводов все рабочие руки на счету, особенно летом. Поэтому, как и в более позднее время, на учебу отпускали кого-то одного из детей-мальчиков, как правило, самого сметливого. Во времена империи кок-тюрок каждый год из аула отбиралась на обучение и отправлялись к грамотному бахсе группа мальчиков. Умные и пытливые дети могли сделать карьеру гражданского чиновника при канцелярии административных чиновников всё тех же каганов, ябгу (верховных правителей), тегинов (младших представителей династии). На такой службе от молодых людей требовались знание иностранных языков, а также познания в налоговой отчетности и дипломатической переписке. О существовании такого слоя общества, вероятно, свидетельствуют богатые захоронения тюрок без сопроводительного погребального инвентаря в виде оружия.

Рождение ребенка в знатной семье. Детство у детей знати мало чем отличалось от детей простолюдинов. Их система родовых

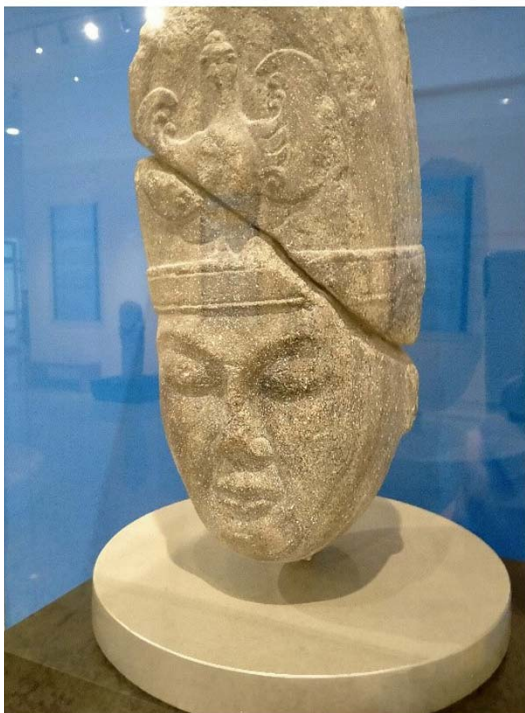

Рис. 1. Катун-Супруга соправителя II Восточно-Тюркского каганата Кюль-тегина.

Fig. 1. Katun-wife of the co-ruler of the II Eastern Turkic Khaganate Kul-tegin.

и внутрисемейных отношений была точно такой же, как и у простых скотоводов и ремесленников. Основное отличие заключалось в том, что они знали, что их родителями являются не только живые люди, но также особо отмеченные богами Тенгри и Умай, поддержкой которых они будут пользоваться, пока будут правильно себя вести, соблюдать определенные этические нормы и правила.

Власть в каганате кок-тюрков была дуальной. Верховная власть состояла из представителей знати двух родов: Ашина («осень» в древней Руси, «асень» у дунайских болгар) и Ашидэ. Дети каганов, верховных шадов (членов правящей семьи), ябгу (верховных правителей) — каганов знали с момента обретения сознания, что мальчик-Ашина обязательно выберет в старшие жены знатную девушку из рода Ашидэ. Ярким представителем типа такой женщины является круглая скульптура китайской работы супруги Кюль-тегина, одного из правителей II Восточно-тюркского каганата (рис. 1). Обращает на себя внимание холменое лицо и властно сжатые губы этого изображения (Байпаков, Таймагамбетов, Жумаганбетов 2022: 208).

Рожденные в династийной семье сыновья также различались по очередности. Первого в семье сына даже называли так — «Тунгуш»,

т. е. сын-первенец. В китайской транскрипции это многочисленные «Тон»-ы: Тон ябгу, Тон каган и т. д.

Кок-тюрки, выстраивая отношения в системе политической власти, копировали отношения в традиционной семье. Как уже было сказано, в патриархальной семье отец обладал всей полнотой власти, в том числе теоретически — над жизнями домочадцев. В династийной семье отношения и система передачи политической власти выстраивалась по такому же принципу. После смерти отца-кагана государственная власть со всеми обязательствами и ответственностью переходит к младшему брату отца. После завершения отцовского поколения власть переходит к старшему сыну самого старшего из братьев (если не было проблем с дееспособностью). Когда умирал очередной каган, хроникеры Вэй ши и Тан-ши постоянно подчеркивали, что власть передана, минуя сына, брату покойного, а китайские принцессы — супруги каганов просили соизволения вернуться на родину, но чаще всего получали отказ и рекомендацию подчиниться законам страны пребывания (Бичурин 1950: 245). В династийной семье китайских императоров существовал майорат, поэтому знать страны Чжохуа изумлялась политическим традициям кок-тюрков.

Вся система отношений в кок-тюркском обществе копировала отношения в семье, между детьми. Старший брат был строг, распоряжался действиями младших детей, но всегда защищал их от других. Младшие подчинялись старшему брату, но всегда были уверены, что о них позаботятся, их интересы будут соблюдены.

Кагано-хатунская семья исполняла роль старших братьев, все остальные были младшими братьями (с дополнительной внутренней ранжированностью на бегов, эров, холопов и т. д.). Дуальность общества в виде разделения на «младших» и «старших» сохранится в тюркоязычных обществах до Нового времени включительно.

Отрочество и юность. В суровых условиях Азии того времени появилась система родства, при которой дети знати и простолюдинов были застрахованы от сиротства. Вся их жизнь была расписана на многие годы вперед. Сыновья знати должны вырасти рыцарями-батырами, поэтому с маленьких лет учатся фехтовать деревянными сабелями, стрелять из детских луков, ездить верхом на коне, бороться друг с другом и т. д. Когда они становятся подростками, для них устраивают летние специальные спортивные игры. Соревнуясь друг с другом, они отстаивают честь своих семей. В этих играх могут участвовать подростки из незнатных семей, те, кому удалось собрать приличную экипировку и воспитать выносливого и быстрого коня. Цель таких игр выявить военные таланты у детей: умение лучше всего стрелять, бороться, управлять конем, и в то же время выявить обладающих природным богатырским здоровьем и силой, а также лидерскими качествами, способных повести за собой собратьев в бои и т. д.

Став юношами, они получают на воспитание и дрессировку своих, только своих коней. Юноши получают полугодовых жеребят, приучают их к себе, изучают повадки и особенности своего коня. Тесное общение юноши и коня приводит к интуитивному и эмоциональному контакту двух существ. Они способны даже в тесной толпе найти друг друга. Поэтому кража спутанного коня, т. е. коня, заведомо имевшего хозяина, у кок-тюрков каралась смертью (Бичурин 1950: 230). При этом угон лошадей в ходе «барымты», т. е. судебного исполнительного производства, был нормальным явлением.

Сыновья и дочери знати обучались чтению, письму, и можно предположить, исходя из той же «Бугутской надписи», что они знали, помимо родного тюркского, также согдийский язык, а принцы, побывавшие в аманате (в ди-

пломатических заложниках) в Суйской и Танской империи, могли легко говорить на китайском языке. Китайский вариант надписей в погребальных комплексах кагана Бильге и Кюль-тегина — свидетельство широкого распространения китайского языка и культуры среди образованных кок-тюрков, которым по делам торговым и дипломатическим приходилось часто общаться с «табгачами»-иностранными.

Сыновья простых эров-общинников не получали такой теоретической подготовки, как дети знати. Каждодневной обязанностью маленьких детей вместе со старшими братьями-подростками было пасти семейное стадо овец и коз. Это не требует больших усилий, поэтому мальчики-подростки все свободное время посвящали охотничьим и военным играм: фехтовали, изготавливали луки и учились стрелять из них, собирали яйца птиц, помогали отцам во время охоты.

Когда они достигали возраста 13—14 лет, их умения и навыки проверяли родовые акакалы и батыры. Самого подготовленного из них посылали на специальные спортивные состязания юношей, которые проходили при ставке кагана. Лучших на этих играх отмечали специальные чиновники военного ведомства, записывали в специальные списки. Самых выдающихся в будущем могли пригласить на службу в военную гвардию высших сановников, т. н. отряды «бури», как самого кагана, так и ябгу, тегингов, великих шадов и тутуков (родовая знать). Служба в таких гвардейских отрядах предполагала, что при созыве ополченческой армии наиболее подготовленные юноши из этих отрядов становились командирами нижнего и среднего звена походной армии кок-тюрков. Таким образом, и у простых тюрков были возможности сделать карьеру, встать рядом со знатными людьми. Те или иные таланты становились для детей простолюдинов «социальными лифтами», пропускающим в круги знатных юношей.

Есть сведения о существовании у огузов — наследников кок-тюрков, юношеских дружин, которые обучались в летнем лагере военному делу и помимо этого выполняли курьерские функции, несли службу у пограничных сторожевых башен и т. д. Эти дружины комплектовались из юношей разных социальных прослоек (Агаджанов 1969: 110—111; Голден 2005: 458—482). Такие дружины также могли участвовать в боевых действиях, но, конечно, при экстренных случаях. По аналогии предполагаем, что такие дружины были и у кок-тюрков, кимеков, тюркешско-карлукского общества и др.

Подведем некоторые итоги. Мальчики из династийной семьи и знати, конечно, были более обеспеченными, чем дети простолюдинов, но военное дело они были обязаны знать и практиковать лучше. Поэтому физическая подготовка, степной ипподром сопровождали все их детство. В походах каганы, шады и другие представители знати демонстрировали своим солдатам, что они такие же солдаты как они, как их старшие братья. Отличались лучшими доспехами, палашами и другим оружием. В решающие минуты битв каганы сражались вместе со своими воинами и часто погибали. Только в битве можно было добиться славы и уважения, а значит, еще раз показать, что именно к ним благосклонны боги.

Вероятно, школы знати были более мультидисциплинными, чем школы для эров, простых общинников. Статус каганата кок-тюрок требовал наличия грамотных управленцев, налоговиков, финансистов, дипломатов и других чиновников-битикчеев.

В школу дети ходили до совершеннолетия. Достижение совершеннолетия у детей определялось наступлением определенного возраста и измерением роста мальчиков (для девочек такая процедура не требовалась). И у тюрок, и у их бывших подчиненных теле-гаогуй, т.е. тележников, были телеги с высокими колесами. Высота этих колес и определяла возраст совершеннолетия. С этого момента мальчик мог жениться, и его женили родители, а также с этого момента его за соответствующий проступок могли подвергнуть смертной казни. Предположительно, этого роста они достигали в 14—15 лет.

Как уже отмечалось выше, после того, как мальчика женили, он и его первая жена до рождения первого ребенка живут с родителями в одном доме. После рождения ребенка считается, что у него теперь достаточно мотивировок быть полноценным защитником семьи, рода и будуна, — народа кок-тюрок. С этого момента юноша обретает статус взрослого, полноправного эра — члена «народа десяти стрел».

Жизнь девочки у средневековых тюрок с момента рождения также расписана на годы вперед. Девочки ощущали на себе заботу матери, бабушек, многочисленных сестер отца. Девочка знала, что она под покровительством богини Умай. Отец распоряжался её жизнью и судьбой, но наказывать физически её не мог. Однако, если отец девочки нанес неизлечимое увечье другому человеку, суд мог принудить его отдать свою дочь пострадавшей семье как возмещение потери (Бичурин 1950: 230).

Экзогамный характер заключения брака с момента рождения делал девочку подданной другой семьи и рода. Физически наказывать её мог только муж, и то — только до рождения первого внука.

Девочки с момента появления сознания и первых навыков труда приучались помогать матери и сестрам. На пирах-тоях они помогали невесткам братьев. Вектор патриархального воспитания был направлен на то, чтобы девочки становились помощницами мужей. Этого требовала от них суровая жизнь животноводов в средневековье. Девочки жили в семье до замужества, т.е. до 13—15 лет. Они учились шить одеяло, одежду, изготавливать войлок, готовить немногочисленные виды кулинарных изделий и т.д. Участвовали в многочисленных обрядах, сопровождавших жизнь младенцев. Конечно, у девочек были свои игры — имитации будущей взрослой жизни. Сшитые игрушечные куклы, детские «сокровища» из обломков бронзовых зеркал и посуды, другие игрушки сопровождали детство девочек.

Кок-тюрки в период возвышения получали дани-«подарки» из северокайских империй, собирали налоги из согдийских княжеств, получали таможенные выплаты на Великом шелковом пути. Каганы и хатуны, в отличие от китайских императоров, не прятали свои богатства в хранилищах дворцов, а перераспределяли подданным. Они как старшие братья и сестры были обязаны заботиться о младших. Дети простых тюрок из родоплеменных объединений, входивших в основную десятку будуна, имели в эти периоды возможность получать шёлковую ткань для праздничной одежды, сушёные фрукты, рис и др. Археологические находки фиксируют широкое распространение предметов повседневного обихода из Китая, Византии и Персии, например, зеркал, праздничной посуды, сосудов для косметики и вина и т.д. (Плетнева 1981: 44, 107).

Мы предполагаем, что в школу ходили в основном девочки из династийной и знатных семей. Именно им по жизни были необходимы навыки письма и чтения. Ведь ярлыки писались и от лица хатунов, т.е. старших жен каганов. Хатун также участвовала в политической жизни государства. Напомним, власть в каганате кок-тюрок была дуальной. В остальном они получали традиционно-религиозное воспитание.

Основное испытание наступало с замужеством. Даже при некотором улучшении качества жизни в эпоху великого каганата у нас нет оснований считать, что у детей

средневековых тюрков была биологическая акселерация. Свидетельством отсутствия акселерации является обычай сорората. Девочки, как и во всех странах с аграрной экономикой, выходили замуж ещё детьми в период с 13 до 15 лет. Конечно, у них в этом возрасте не могло быть взрослых чувств. Первые браки у юноши и девушки заключались по воле родителей. Именно они выбирали семью и род, с которым они хотели бы породниться. Судя по этнографическим сведениям, родители жениха и невесты могли договориться ещё до рождения (у казахов этот институт назывался «бель куда») или пока дети были маленькими. Конечно, родителям в голову не приходило спросить о предпочтениях детей, потому что и их в свое время так же не спрашивали.

Однако главная проблема была биологическая. Девочки в таком возрасте не могли полноценно вынести беременность, они часто погибали с ребенком. Поэтому радость от рождения первого внука была так велика для обеих семей. Но в первую очередь — для семьи невесты. Это означало, что обязательство семьи невесты по возмещению умершей невесты, т.е. применение норм сорората, отменялось.

Женщины умирали от тяжелой жизни или от невозможности выполнить основную обязанность — родить мальчика. Таких мальчиков соседи тюрков — средневековые монголы называли «отчигин», т.е. зажигающие очаг (имеется в виду — для одряхлевших родителей). Девочки уходили в другой род, поэтому одряхлевшие родители не могли уйти к дочерям. Если у женщины рождались дочери, она рожала ежегодно, пока не родит сына. Многие женщины в этой гонке надрывали своё здоровье. Поэтому количество женщин в этих обществах было существенно меньше, чем количество мужчин. Не военнопленные были желанной добычей в военных походах, а дети обоих полов (их легко натурализовать) и девушки в качестве младших жен. Жена-иноземка — это ещё свидетельство воинской доблести мужчины. Дети, которые рождались от таких жен, были совершенно равны в правах с другими детьми, так же, как и дети каганов, рожденные от китайских и согдий-

ских принцесс. Дифференциация шла по уже известному возрастному принципу.

Девочек из знатных семей — Ашина и Ашидэ — ждала та же участь. Девочки из Ашидэ знали, что их мужьями будут в обязательном порядке юноши из Ашина, а девочки из Ашина выдавались замуж за иностранных принцев при заключении каких-либо договоров. Договор на бумаге, например, о мире, скреплялся брачным договором, тем самым заключался новый династический союз. Принцесс Ашина могли выдать замуж за знатных вассалов, как это было при подавлении хакасского восстания (в знак примирения), или за эльтеберов — правителей протекторатных родов-огузов, для профилактики сепаратизма.

Девочки знати вассальных согдийских княжеств могли стать второй или третьей женой знатного тюрка. При этом заключался полноценный брачный договор, где оговаривались права в том числе совместно рожденных детей (Согдийские документы с горы Мут 1962: 19—26).

Несомненно, девочек-Ашина с детства учили азам разведки, т.е. сбора информации и мониторинга политической ситуации в стране пребывания, как это делали китайские принцессы на протяжении веков.

Таким образом, детство у средневековых тюрков оставалось на всю, часто недолгую, жизнь как самый яркий и счастливый период. Девочки всегда ощущали любовь от сурового отца и старшего брата. Принято было баловать девочек и держать в строгости мальчиков. Девочки и мальчики всегда знали, что не останутся сиротами, что вокруг них стена из любящих, в любой момент готовых за них отдать жизнь родственников. И они воспитывались в этом ключе. Каждый тюрк знал, что, если пограничные рода подверглись нападению и ограблению от внешнего врага или от нехороших соседей, их старший брат — каган сделает всё возможное, чтобы хозяйства восстановились, ущерб восполнит, а потом совершит поход и отомстит врагу, а военные трофеи раздаст народу.

«Тюрк эль» — это детство тюркских народов, основные принципы и истины которого они донесли до XXI в.

Литература

- Агаджанов С. Г. 1969. *Очерки истории огузов и туркмен*. Ашхабад: Ылым.
- Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. 1973. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Приитышья. *Тюркологический сборник 1972*. Москва: Наука, 305—330.
- Атавин А. Г. 1983. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X—XIV вв. *СА* (1), 134—143.
- Байпаков К. М., Таймагамбетов Ж. К., Жумаганбетов Т. С. 2022. *Археология Казахстана*. Алматы; Актобе: КНИИТМ.
- Бичурин Н. Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. 1. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Галкина Е. С. 2002. *Тайны Русского каганата*. Москва: Вече.
- Голден П. 2005. Тюрки-хазары — гулямы на службе у халифов. В: Петрухин В. и др. (ред.). *Хазары. Jews and Slavs* 16. Москва; Иерусалим, 458—482.
- Жумаганбетов Т. С. 2003. *Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI—XII вв.* Алматы: Жеті Жарғы.
- Жумаганбетов Т. С. 2003 а. К проблеме литературного языка и письменности у средневековых тюркоязычных этносов. В: Бондаренко В. А. (отв. ред.). *Роль университетской науки в региональном сообществе*. Ч. 2. Москва; Оренбург: ОГУ, 486—490.
- Жумаганбетов Т. С. 2006. Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата. *Восток* 2, 119—126.
- Жумаганбетов Т. С. 2015. *Древняя и средневековая история Центральной Азии*. Актобе: АРГУ.
- Кашкари М. 1997. *Түрік создiгі*. Т. 1. Алматы: Ғылым.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 2004. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Кызласов Л. Р. 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности. *СА* (3), 96—103.
- Малов С. Е. 1951. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Малов С. Е. 1959. *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Масанов Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов*. Москва: Социнвест; Алматы: Горизонт.
- Плетнева С. А. (отв. ред.). 1981. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука.
- Радлов В. В., Мелиоранский П. М. 1897. *Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук (Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 4.).
- Согдийские документы с горы Муг*. 1962. Чтение, перевод и комментарий В. А. Лившица. Москва: Восточная литература.
- Шульга П. И., Кубарев Г. В. 2021. Раннесредневековое погребение у Большой Тавдинской пещеры. *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий XXVII*, 747—753.
- Uighur legend “Tira and Zora”. 1946. In: Jarring G. (ed.). *Materials to the knowledge of Eastern Turki*. Lund: C. W. K. Geerup, 3—34.

References

- Agadzhanov, S. G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX—XIII vv. (Essays on the History of Oguz Turks and Turkmens in Central Asia in 9th — 13th Centuries)*. Ashkhabad: “Ilm” Publ. (in Russian).
- Arslanova, F. Kh. Kliashtornyi, S. G. 1973. In *Tiurkologicheskii sbornik 1972 (Collected Papers on Turkic Studies 1972)*. Moscow: “Nauka” Publ., 305—330 (in Russian).
- Atavin, A. G. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 134—143 (in Russian).
- Baipakov, K. M., Taimagambetov, Zh. K., Zhumaganbetov, T. S. 2022. *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archeology)*. Almaty; Aktobe: Kazakh Scientific Research Institute of Turkic and Mongolian Studies (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Corpus of Data on Peoples Living in Inner Asia in Antiquity)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Galkina, E. S. 2002. *Tainy Russkogo kaganata (Mysteries of the Russian Khaganate)*. Moscow: “Veche” Publ. (in Russian).
- Golden, P. 2005. In Petrukhin, V., Moskovich, V., Fedorchuk, A., Kulik, A., Shapira, D. *Khazary (Khazars)*. Series: Evrei i slaviane (Jews and Slavs) 16. Jerusalem: “Gesharim” Publ.; Moscow: “Mosty kul’tury” Publ., 458—482 (in Russian).
- Zhumaganbetov, T. S. 2003. *Problemy formirovaniia i razvitiia drevnetiurkskoi sistemy gosudarstvennosti i prava. VI—XII vv. (Issues of Formation and Development of Ancient Turkic System of Statehood and Law: 6th—12th Centuries)*. Almaty: “Zheti Zharry” Publ. (in Russian).
- Zhumaganbetov, T. S. 2003. In Bondarenko, V. A. (ed.). *Rol’ universitetskoï nauki v regional’nom soobshchestve (The Role of the University Science in the Regional Community)*. Part 2. Moscow; Orenburg: Orenburg State University, 486—490 (in Russian).
- Zhumaganbetov, T. S. 2006. In *Vostok (Orient)* 2, 119—126 (in Russian).
- Zhumaganbetov, T. S. 2015. *Drevniaia i srednevekovaiia istoriia Tsentral’noi Azii (Ancient and Medieval History of Inner Asia)*. Aktobe: K. Zhubanov Aktobe Regional State University (in Russian).
- Kashgari Mahmud. 1997. *Turik sozdigi (Turkic Language)* 1. Almaty: “Gylym” Publ. (in Kazakh).
- Kliashtornyi, S. G., Sultanov, T. I. 2004. *Gosudarstva i narody evraziiskikh stepei. Drevnost’ i srednevekov’e (States and Peoples of Eurasian Steppes: Antiquity and Middle Ages)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).
- Kyzlasov, L. R. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 96—103 (in Russian).
- Malov, S. E. 1951. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis’mennosti. Teksty i issledovaniia (Monuments of the Ancient Turkic Written Language: Texts and Studies)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

- Malov, S.E. 1959. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii (Monuments of the Ancient Turkic Written Language in Mongolia and Kyrgyzstan)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Masanov, N.E. 1995. *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov (Nomad Civilization of the Kazakhs)*. Moscow: "Sotsinvest" Publ.; Almaty: "Gorizont" Publ. (in Russian).
- Pletneva, S.A. (manag. ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Radlov, V.V., Melioranskii, P.M. 1897. *Drevnetiurkskie pamiatniki v Kosho-Tsaidame (Ancient Turkic Sites in Kosho-Qaidam)*. Series: Sbornik trudov Orkhonskoi ekspeditsii (Collected Papers of the Orkhon Expedition) 4. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
- Sogdiiskie dokumenty s gory Mug (*Sogdian Documents from Mount Mug*). 1962. Reading, transl., comments by V.A. Livshits. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Shul'ga, P.I., Kubarev, G.V. 2021. In *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories)* XXVII, 747—753 (in Russian).
- Uighur legend "Tira and Zora". 1946. In Jarring G. (ed.). *Materials to the knowledge of Eastern Turki*. Lund: C. W.K. Geerup, 3—34.

Статья поступила в номер 22 января 2023 г.

Talgat Zhumaganbetov (Aktobe, Kazakhstan). Doctor of Historical Sciences. Kazakh Research Institute of Turkology and Mongolian Studies, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan¹.

Talgat Zhumaganbetov (Aktobe, Kazakhstan). Doctor în științe istorice. Institutul kazah de cercetări științifice în turcologie și mongolistică. Ministerul Științei și Studiilor Superioare al Republicii Kazahstan.

Жумаганбетов Талгат Смагулович (Актобе, Казахстан). Доктор исторических наук. Казахский научно-исследовательский институт тюркологии и монголистики, Министерство науки и высшего образования РК.

E-mail: ts888@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0623-3430

Address: ¹ Eset batyr St., 9a, Aktobe, 030007, Kazakhstan

Список сокращений

АГУ	— Абхазский государственный университет. Сухум.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург / Свердловск.
АИБ	— Археология и история Боспора. Симферополь.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП, АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРГУ	— Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова. Актобе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БелГУ	— Белгородский государственный университет. Белгород.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВО РАНХиГС	— Волгоградское отделение Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГИАМЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГПИ	— государственный педагогический институт.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДагНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ЖХК	— жилищно-хозяйственный комплекс.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАНД	— Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской академии наук. Москва.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповедник «Більськ». Котельва.
КБГУ	— Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Нальчик.
КБН 1965	— Струве В.В. (ред.). 1965. Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	— Гаврилов А.К. (ред.). 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом). Санкт-Петербург: Алетея (Bibliotheca classica Petropolitana).
КБНЦ РАН	— Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук. Нальчик.
КГГИ	— Крымский государственный гуманитарный университет. Ялта.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
КНИИТМ	— Казахский научно-исследовательский институт тюркологии и монголистики. Алматы.
кол. вкл.	— кольорова вклейка (цветная вклейка).
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАК	— Материалы по истории и археологии Кубани.
НА ІА НАНУ	— Научний архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України. Київ
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАНУ	— Национальная Академия наук Украины. Киев.
НАО	— научное археологическое общество.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь.
ОГУ	— Оренбургский государственный университет. Оренбург.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОНТИ ПНЦ РАН	— Отдел научно-технической информации Пуштинского научного центра Российской Академии наук. Пушкино.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РУДН	— Российский университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СПбГУПТД	— Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. Санкт-Петербург.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОВ	— товариство з обмеженою відповідальністю (ООО).
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований, благотворительный фонд «Деметра». Керчь.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮУрГГПУ	— Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск.
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main.
CNRS	— Centre national de la recherche scientifique. Paris.
RIC	— Roman Imperial Coinage. London.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
ZRC SAZU	— Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Ljubljana.